

Глава 2. Шуфэй

На самом деле, за две недели до этого А'Бао уже не был настоящим А'Бао. Его маленькое тело теперь занимала душа нынешнего Императора, Гу Шаоцзе. Однако, даже имея такую сильную душу, А'Бао все еще был просто собакой, странной на вид, иностранной породы.

Это был, наверное, настоящий смысл фразы: «Даже величайший из китов беспомощен в пустыне».

в основном, когда вещи выходят за пределы сферы деятельности людей, это делает их беспомощными перед существами, которые изначально были гораздо слабее.

Полмесяца назад возвращаясь после посещения вдовствующей императрицы на горе Тысячи Будд, Император Чжоу'Ву упал с лошади и потерял сознание. Проснулся он уже маленькой собачкой в Вольере для Укрощения. Вспоминая, как он, в течении всего прошлого месяца ел и жил с кучей идиотов и был вынужден пить молоко суки, лицо Императора Чжоу'Ву посинело. Хорошо, что у него был густой мех, так что, даже если он сморщился от отвращения, слуги в Вольере для Укрощения ничего не подозревали. В противном случае его, возможно, уже сожгли бы на костре.

Как у Императора, его ум и настойчивость всегда превосходили обычных людей. Пройдя через первоначальный шок, страх, тревогу, замешательство, Император Чжоу'Ву быстро приспособился к своим обстоятельствам. Он не умирал голодом и не покончил с собой на месте. Он просто был худее и слабее большинства щенков из-за нежелания пить молоко и отвращения к размятому собачьему корму.

Загон для Укрощения был построен во Внутреннем дворце. Маленькие евнухи в вольере иногда сплетничали о некоторых незначительных событиях во дворце. После полумесяца подслушивания, Император Чжоу'Ву знал, что он не умер в результате несчастного случая, но остался без сознания от тяжелых травм. Его тело проснулось десять дней назад и, в настоящее время, соблюдало постельный режим во дворце Чэнцин. Конечно, это были просто слухи, которые он слышал, никто не знал о внутренней ситуации.

Я действительно проснулся? Или, может быть, мое тело находится в той же ситуации, что и А'Бао, где чужая душа завладела физическим телом? Будет ли душа человеком или монстром? Будет ли это опасно для моей империи?

Эти вопросы заполнили разум Императора Чжоу'Ву, заставляя его чувствовать себя не в своей тарелке и не давая возможности отдохнуть. Если бы не его слабое, запертое в клетке тело, он бы давно побежал во дворец Цяньцин, чтобы узнать правду.

Когда рано утром маленький евнух тщательно выбирал щенков, чтобы отправить их наложницам каждого дворца, Император Чжоу'Ву понял, что настал его шанс сбежать из клетки. Он перешел из своего обычного вялого состояния в живое и послушное. Неоднократно показываясь перед маленьким евнухом, а также демонстрируя пару живых глаз, он, как и ожидалось, был выбран для доставки во внутренний дворец.

Свернувшись калачиком с одной стороны клетки, он наблюдал, как безостановочно тянулась тропинка под ногами. Когда они проходили мимо трещин, он понял, что трещины в тротуаре теперь казались крутыми ступенями, чего в нормальном состоянии он не замечал. Просто думая об этом, чувства Императора Чжоу'Ву внезапно стали сложными.

Проходя каждый порог гигантских дверных проемов, глядя на сверкающие черные кирпичи, Император Чжоу'Ву понимал, что они прибыли во внутренний дворец. Не имея возможности полностью рассмотреть внешний вид дворца и, свисающую со столба на крыше, дворцовую вывеску, он не был точно уверен, что это за место. Однако, подняв голову, и увидев женщину, сидящую в главном кресле в дворцовом наряде, он понял, что это, должно быть, дворец Би'Сяо. Дворец Шуфэй, главы четырёх супруг.

Шуфэй была его самой «любимой» супругой. В этом запретном дворце, полном подхалимажа и насмешек, было понятно, что маленький евнух первым делом приведет домашних животных к Шуфэй.

Собачьи глаза не видят цвета – мир для них просто черно-белый. Если бы не этот опыт, Император Чжоу'Ву никогда бы этого не узнал. После полумесяца борьбы за выживание в темно-сером мире, внезапно увидев знакомое лицо, Император Чжоу'Ву был невероятно взволнован. Забыв отреагировать, он тупо уставился в лицо сидящей Шуфэй.

Великолепно одетая женщина слегка наклонилась к нему всем телом. Эти густые, как чернила, темные волосы, эта светящаяся, как снег, полупрозрачная кожа, эти контрастирующие черные зрачки и белые белки глаз, исходящая от неё строгая и благородная аура.

Есть только одно слово, которое может описать ее – красивая. Тип неземной красоты, прекраснее, чем когда он видел цвета. Возможно, из-за другого угла обзора, возможно, из-за другого мышления, Император Чжоу'Ву с первого взгляда был немного очарован.

Эта красивая женщина, которая, казалось, сошла с картины, перед его глазами, была его собственной супругой, в то время как он встречал ее как собака. Осознав это, он быстро очнулся от оцепенения и свернулся калачиком, желая немедленно раствориться в воздухе.

Однако боги не услышали его молитвы. Он не только не растворился, но и был выбран Шуфэй, поднят маленьким евнухом за шею и передан служанке. И в устах этой служанки он был назван «прохвостом». Все тело Императора Чжоу'Ву одеревенело. Он хотел огрызнуться, но не мог.

Как только он задремал, Шуфэй взяла его на руки. Ее объятия были мягкими и теплыми, и от них даже чувствовался легкий, чарующий аромат. Полная противоположность леденяще-холодной, странно пахнущей тюремной клетке.

Под нежной лаской Шуфэй он был почти околдован. Но при мысли о том, что его, Императора, его собственная супруга держит у себя на коленях и играет с ним, он ощутил себя униженным и начал активно сопротивляться. Вырвавшись из объятий Шуфэй и тяжело упав на землю, он

вдруг понял, что он больше не Император Чжоу'Ву, а щенок, которому не было и месяца.

Боль во всем теле напомнила ему, что он определенно не сможет выжить в запретном дворце, если у него не будет защиты этой женщины.

Пока я не выяснил, является ли Император во дворце человеком или монстром и угрожает ли это моей империи, я не могу умереть.

Итак, он отказался от своего недовольства и сопротивления, подавил унижение в своем сердце и позволил этим людям играть с ним. В течении этого периода времени его озадачила перемена в Шуфэй.

Эта женщина заботливо приготовила ему очень вкусный отвар из гладкого мясного фарша, практически заставив Императора Чжоу'Ву, который полмесяца питался собачьим кормом, пролить слезы. Эта женщина позволяла ему есть на столе, и не загоняла его в сырой темный угол. Эта женщина сама его купала, нежная и опытная в этом процессе, совсем не похожая на нетерпеливых и грубых учеников Загона для Укрощения. Эта женщина говорила с ним мягким, нежным голосом, со спокойным и искренним отношением, как с человеком. Или, точнее, как если бы перед ней был ребенок.

Со сложными мыслями, крутящимися у него в голове, Император Чжоу'Ву, не моргая уставился на мягкие брови и глаза Шуфэй.

Это всё та же капризная и строгая Мэн Санью, которая довела императрицу до смерти, подавила Благородную супругу и возглавила внутренний дворец? С этой чарующей улыбкой и полными духа глазами, ее очень трудно узнать.

Однако, после целого дня метаний, Император Чжоу'Ву уже слишком устал, чтобы расследовать это. В тепле пылающей жаровни и нежных ласках Шуфэй он вскоре задремал. Впервые за полмесяца, он смог спать так сладко и крепко.

Но когда Шуфэй осторожно положила его в корзину, очень бдительный Император все равно немедленно проснулся. Только после того, как Шуфэй тихо ушла, он открыл свои темные черные глаза и долго смотрел ей в спину сложным взглядом.

Натягивая маленькую тряпочку на живот, Император Чжоу'Ву размышлял о своем свежеприобретённом, глупом имени. Немного униженный, немного беспомощный, но в то же время немного успокоенный.

А'Бао, сокровище сердца? Что это за глупое имя? В конце концов, она действительно некультурная дочь генерала, ни капли красноречия, – он хотел фыркнуть от смеха, но когда обнаружил, что может только тихо и сладко завывать, лицо Императора Чжоу'Ву сначала позеленело, а потом побелело. Он сердито похлопал лапами по маленькой тряпочке на животе и медленно закрыл глаза.

Без четверти четыре небо все еще было серым, но на востоке уже начинался рассвет. Пройдет не так уж много времени, прежде чем теплый свет рассвета озарит землю. В пять часов пришло бы время отправляться во дворец Фэнлуань, чтобы отдать дань уважения Благородной супруге Ли.

Полгода назад императрица испытала осложнения при родах, родив мертворожденного, уже сформировавшегося маленького принца. Вскоре после этого императрица скончалась из-за депрессии, оставив свою семилетнюю дочь, четвертую принцессу. Вдовствующая императрица, обескураженная переворотом, предшествовавшим восшествию на престол Императора Чжоу'Ву, переехала на гору Тысячи Будд для поклонения и с давних пор не заботилась о мирских делах. Таким образом, две самые высокие позиции во внутреннем дворце остались незанятыми. Естественно, благородная супруга Ли, с самым высоким, после них, положением, должна руководить шестью дворцами вместо них.

Отец благородной супруги Ли был левым канцлером нынешнего суда, его власть охватывала весь суд. К тому же, Благородная супруга Ли сначала родила второго принца, а потом и третью принцессу, двенадцати и десяти лет, здоровых и умных. У Благородной супруги Ли были положение, власть, дети – все, о чем могли мечтать наложницы внутреннего дворца. Ее действительно можно было назвать лидером внутреннего дворца.

Но эта позиция «лидера» казалась слегка необоснованной перед Добродетельной Супругой, Мэн Санью.

Мэн Санью в этом году исполнилось семнадцать, цветущий возраст, яркая и великолепная красавица. Ее отец, Мэн Чансин, был выдающимся, доблестным генералом Чжоу, с силой сто тысячного отряда, постоянно дислоцирующегося на границе. Причина, по которой династия Чжоу процветала под постоянными атаками варваров, была полностью связана с неуправляемой армией семьи Мэн под руководством Мэн Чансина.

Семья Мэн заняла видное положение благодаря военным достижениям. В эпоху Императора Основателя Чжоу они уже занимали должность старшего должностного лица в суде, получив наследственный титул Князь Оборона. В империи Чжоу не только могущественные левые и правые министры, даже Император Чжоу'Ву должен был оказывать значительное уважение Князю Оборона.

Умная, красивая, с мощным фоном, Мэн Санью стала гвоздём в глазу и занозой в боку для множества наложниц в различных дворцах. Но после трехлетней борьбы они не только не смогли удалить эту занозу, но и стали для нее ступенькой. Император не упрекнул ее даже после того, как она довела императрицу до смерти. Кто все еще посмеет причинить ей неприятности?

Перед властной и безрассудной, обладающей военной мощью Шуфэй эти наложницы просто чувствовали себя бесполезными.

В этот момент легендарно проницательная «любимая супруга», Мэн Санью, медленно

просыпалась от тихого зова няни Фэн. Лениво приподняв верхнюю часть тела, она облокотилась о спинку кровати. Слегка приоткрыв свои сонные глаза, она позволила няне Фэн вытереть ее лицо и руки теплой тканью.

Освежив лицо, на босые ноги она надела пару вышитых туфель, которые свободно болтались на ее ногах, когда она подошла к туалетному столику и позволила маленькой дворцовой служанке привести в порядок ее волосы. На верхней части ее тела висело маленькое алое дуду, едва прикрывавшее ее круглую и выдающуюся грудь.

Дуду - это, в основном, древнекитайское нижнее белье. Забавный факт, он обычно красный и на нем что-то вышито.

На нижней части тела она носила белые шелковые шаровары. Легкая тонкая ткань плотно прилегала к ее коже, подчеркивая изящные изгибы ее стройных ног. Эта наполовину прикрывающая, наполовину скрывающая манера одеваться была более соблазнительной, чем отсутствие какой-либо одежды. Прислуживавшие ей маленькие дворцовые служанки, уже покраснели, но не могли удержаться и перевели взгляд на соблазнительную девушку.

- Ваша светлость, уже осень. По утрам холодно, вам следует надевать больше одежды.

Поток холодного ветра ворвался в спальные покои из щелей приоткрытого окна. Няня Фэн нахмурила брови и сразу же схватила шифоновый кардиган, чтобы надеть его на Мэн Санью.

Мэн Санью позволяла няне Фэн крутиться вокруг нее со скучающим выражением лица, пока ее лицо не осветилось при виде Би Шуй, которая держал А'Бао.

<http://tl.rulate.ru/book/22823/1793803>